

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

УДК 94(470.12)"16":27-788

ГРНТИ 03.23.31: История России Нового времени (XVII–XIX в.)

Иоасаф Вишняков (игумен), И.Н. Паршукова

Повседневность монастырей Русского Севера во второй половине XVII в. (на примере Ферапонтова Богородице-Рождественского монастыря)

В статье на основе архивных материалов, дореволюционных и современных произведений научной литературы характеризуются бытовые условия насельников и особенности ведения хозяйства в Ферапонтовом монастыре во второй половине XVII в. Объект исследования – Ферапонтова обитель, в рассматриваемый период представляла собой типичный средний монастырь Русского Севера. В качестве основного источника эмпирических материалов для статьи послужили описные монастырские документы, хранящиеся в фондах архивов Вологодской области и Санкт-Петербурга.

В исследовании подробно рассматривается структура управления монастырем, дается описание круга обязанностей его игумена и монахов, занимавших важные должности. В динамике представлено изменение численного состава монастырской братии, отмечаются тенденции к его сокращению. Обозначаются прочие разнообразные факты, свидетельствующие об общем упадке в монастырском хозяйстве, что было характерно для десятилетий, предшествовавших кардинальным церковным реформам. На основании материалов описных документов реконструированы многие особенности ведения хозяйства в монастыре, перечислены основные промыслы и ремесла, которыми занималась братия.

Делается вывод о том, что повседневная жизнь монастыря оказывала существенное влияние на окружающее население. В то же время и окружающий социум во многом определял ее течение, так как его представителями пополнялась братия, с ними реализовывались хозяйственные, торговые, трудовые и иные виды отношений.

Ключевые слова: монастырская повседневность, Ферапонтов монастырь, Русский Север, игумен, монастырское хозяйство, монастырские опись

Ioasaf Vishnyakov (abbot), Irina N. Parshukova

Everyday life of monasteries of the Russian North in the second half of the XVII century (on the example of St. Ferapont Nativity of the Mother of God Monastery)

In the article, based on archival materials, pre-revolutionary and modern works of scientific literature, the characteristics of the living conditions of the inhabitants and the peculiarities of housekeeping in the Ferapont Monastery in the second half of the

XVII century are given. The object of study is the Ferapont monastery, which was a typical monastery of the Russian North in the period under review. Descriptive monastic documents stored in the archives of Vologda region and St. Petersburg served as the main source of empirical materials for the article.

The study examines in detail the management structure of the monastery, provides a description of the range of responsibilities of its abbot and monks who held important positions. The change of the number of monastic brethren is showed in dynamics, as well as the tendencies for its reduction. Other facts are indicated, testifying general decline in the monastery economy, which was characteristic of the decades preceding the cardinal church reforms. Based on the materials of the described documents, many features of the monastery economy were reconstructed, the main trades and crafts that the brethren were engaged in were listed.

The paper concludes that the daily life of the monastery had a significant impact on the surrounding population. At the same time, the surrounding society largely determined its course, since its representatives were the main source for new members of the monastic brethren, and economic, trade, labor and other types of relations were implemented with them.

Key words: monastic daily life, Ferapont monastery, Russian North, abbot, monastic economy, monastic inventory.

В качестве объекта исследований монастыри Русского Севера выступают нередко и по праву занимают существенное место в отечественной науке [1; 2]. Предметные области, связанные с изучением их основания и развития, культурного, политического, хозяйственного значения и т. д., исследуются не только историей, но и рядом смежных наук – исторической географией [3] культурологий, искусствоведением и др.

Еще до XIV–XV вв. на берегах озер и озерных островах территории, которую принято именовать Русским Севером, было основано несколько крупных монастырей – Спасо-Преображенский Валаамский, Рождество-Богородицкий Коневецкий, Палеостровский и Спасо-Каменный. На архипелаге Белого моря возник Соловецкий монастырь. В дальнейшем благодаря развитию традиции монастырского строительства, уже выходцами из крупных монастырей как Севера, так и других, более отдаленных территорий, изначально мотивированных поисками скитского уединения, в итоге основывались новые обители. В глубинных частях региона на берегах сравнительно небольших озер стали появляться все новые и новые монастыри. По такому принципу был основан в самом конце XIV в. Ферапонтов Рождество-Богородицкий монастырь, получивший широкую известность благодаря уникальным фрескам Дионисия и часто упоминаемый в научной литературе в качестве первоначального места ссылки опального патриарха Никона.

Обитатели составляли опорный каркас средневекового государства на северных землях, в том числе маркируя его границы. Они были не только центрами духовной православной жизни, ориентированной на укрепление традиции монашества, но и социально-культурными доминантами, оказывавшими влияние на ментальность русского населения, распространение образования, книжного дела, развитие архитектурных стилей и различных видов церковно-прикладного искусства. Благодаря реализации хозяйственной деятельности монастырей в освоение вовлекались обширные территории. Кроме того, ученое монашество чутко реагировало на общественные трансформации и оказывало непосредственное влияние на политические процессы и укрепление государственных устоев.

Обозначенные выше факторы являются определяющими в том, что духовному, политическому, культурообразующему [4; 5], историко-архитектурному значению монастырей Русского Севера в отечественной историографии уделяется довольно много внимания. Гораздо реже исследователи обращаются к вопросам, так или иначе отражающим монастырскую повседневность в ретроспективном аспекте, хотя в последние десятилетия вектор научных интересов смещается в эту сторону [6; 7]. Непосредственно обозначенная тематика на примере обитателей Вологодской области была подробно раскрыта в рамках диссертационного исследования Н.В. Стикиной [8], однако оно ограничивается хронологическими рамками – второй половиной XIX – началом XX в.

Между тем обращение к более ранним периодам региональной монастырской повседневности позволит полнее реконструировать характер организации внутренней жизни монастырей и выявить степень их значения для населения и окружающего пространства. Данный вопрос актуализировался в наше время, когда сеть объектов культовой инфраструктуры, в том числе монастырей, растет, а вопросы, связанные с организацией их внутренней жизни и выстраиванием взаимоотношений с внешним миром, требуют своего решения.

Цель статьи – представить характеристику монастырской повседневности Русского Севера второй половины XVII в. на примере Богородице-Рождественского Ферапонтова монастыря.

Хронологический период исследования и его объект выбраны случайно – в это время в Московском государстве происходили суще-

ственные общественно-политические трансформации, в том числе связанные с жизнью Церкви, а Ферапонтов монастырь стал одним из фигурантов этих событий, поскольку был избран как место ссылки опального патриарха Никона. К тому же, к XVII в. он представлял собой типичный средний монастырь Русского Севера, обладавший обширными вотчинными владениями, куда входили два погоста, четыре села, 57 деревень (из них три незаселенных), рыбные ловли на расположенных рядом реках и озерах.

К основным источникам, отражающим в ретроспективе повседневную жизнь Ферапонтова монастыря, можно отнести описные, переписные, отписные книги, которые в научном историческом обороте принято называть описями [9]. Именно в них содержатся сведения о вотчинах, численности и составе братии, служках, основных видах хозяйственной деятельности и состоянии хозяйства, подсобных строениях, состоянии и внутреннем убранстве храмов, богослужебных книгах и многом другом.

Всего на данный момент в архивных фондах Москвы, Санкт-Петербурга и Вологодской области обнаружено 15 описей Ферапонтова монастыря, относящихся к периоду XVII–XVIII вв. Самая ранняя из них – опись казны, была составлена в 1626 г. [10], а непосредственно опись монастырского имущества впервые датируется 1665 г. [11].

Внутренняя жизнь монастыря определяется характером и структурой управления в нем, поэтому в Ферапонтовом монастыре она была типичной для Русского Севера. Обитель находилась в ведении удельного князя в финансовых и судебных вопросах, а под управлением епархиального архиерея – в круге проблем, связанных с храмо-строительством, церковной дисциплиной, каноническим правом и т. д. Со временем влияние епархиального начальства на жизнь монастыря усиливалось. Кроме того, в рассматриваемый период Ферапонтов монастырь, как и другие обители на Руси, зависел еще и от преобразованного в 1649 г. административного судебного органа над духовенством, который назывался Монастырским приказом.

Внутренняя жизнь монастыря, когда это не касалось компетенции епархиального архиерея, в хозяйственном, духовном, дисциплинарном проявлениях определялась решениями и распоряжениями игумена. При нем были так называемые соборные старцы. Согласно монастырским уставам высшим органом управления в монастыре являлся

собор. Следует различать собор, куда входили только соборные старцы, и «черный собор», включавший в себя всю братию. Решения собора должны были быть обязательны для братии и крестьян принадлежавших монастырю вотчин.

Если говорить о составе и иерархии братии, то в документах, касающихся Ферапонтова монастыря, фигурируют, помимо игумена, строитель, эконо́м, келарь, подкелярник, казначей, иеромонахи, ризничий, служебные старцы (конюший, житник, хлебовареный, хлебной, повара, пивовар), больничные, монастырские слуги, подьячие и др. У каждого насельника, занимавшего значимую должность на определенном послушании, был свой круг обязанностей и ответственности. Например, келарь был ближайшим помощником игумена в хозяйственных делах, в том числе когда они касались вотчинных владений.

В описи 1665 г. представлен перечень монастырского имущества, которое передается под ответственность назначенному недавно келарю Митрофану Нечаеву с указанием круга его дисциплинарно-властных полномочий по отношению к братии монастыря и трудящимся в нем: «ему келарю впредь Ферапонтов монастырь ведать и строить, а братья, и служкам, и служебником, и крестьяном приказал иво келаря старца Митрофана Нечаива во всем слушать и быть у него в послушании и почитать также, как и в прочих монастырех властей почитают» [11, л. 1].

Если в ведении келаря были запасы продовольствия, хранящиеся в погребах, кладовых и т. д., а также вотчины, так как они осуществляли поставки продуктов, то за хранение денежных средств монастыря, а также имущество ризниц и «казенных келий», нес ответственность старец-казначей.

Старец-житник отвечал за житницы монастыря и принадлежащих ему вотчин, контролировал работу мельниц, вел учет зерна и муки, хранящихся в амбарах. Так, согласно материалам описи 1665 г. в Ферапонтовой обители числится три мельницы: «Да за монастырем же мелница да толчея на одной запруде <...> За Паским озером на речке на Паске мелница, два анбара. По той же по речке пониже мелница два ж анбара [11, л. 59 об.].

Известный дореволюционный краевед и богослов И.И. Бриллиантов написал первое фундаментальное исследование, касающееся истории обители. Проанализировав содержание описи Ферапонтова мо-

настыря 1673 г., он приводит сведения о составе монастырской братии, которую на тот год составляли игумен, келарь, казначей, житник, конюший, два иеромонаха, 40 монахов, 18 служек, 61 служебник. Вотчинных крестьян и бобылей числилось 383 человека [12, с. 93]. Получается, что большую часть братии Ферапонтова монастыря составляли монахи, не имеющие священного сана. У них не было определенной сферы ответственности и крупных обязанностей. Они должны были нести послушания, выполняя поручения старцев – игумена, келаря, житника, конюшенного. Братию монастыря нельзя назвать многочисленной, а его хозяйство особенно крупным. Именно поэтому в рассматриваемый период, когда в монастыре пребывал в ссылке патриарх Никон, существенная часть материальных и трудовых затрат по содержанию его, его приближенных, а также довольно многочисленной охраны, была частично возложена на окрестные монастыри [13].

Большое значение для насельников монастыря имела богатая по тем временам монастырская библиотека, известная уже в XV–XVI вв. Книги, хранящиеся в специальной книгохранильнице, монахи могли использовать не только при богослужениях, но и для чтения или работы над богословскими трудами.

Неотъемлемая часть повседневной жизни Ферапонтова монастыря – ежедневные богослужения, очевидно, были чередными, т.е., в дни, не совпадающие с воскресными или большими церковными праздниками, когда литургия совершается соборно, а присутствует на ней вся братия, их возглавляли в установленном порядке по очереди насельники из священнослужителей. В описи за 1665 г. поименно перечисляются трое иеромонахов – Варфоломей, Варлаам и Дионисий [11, л. 59 об.].

В целом на протяжении второй половины XVII в. миряне по численности всегда превосходили монашескую братию. Так, в 1665 г. в монастыре подвизался 51 монах и пребывало 54 бельца (дворовые и мастеровые) [14, л. 60 об.]. Опись 1673 г. говорит уже о 42 монахах и 79 мирских людях. Далее численность монашествующих сокращается, а прислуживающих из числа людей мирских увеличивается. Согласно данным описи 1692 г. в Ферапонтовом монастыре было 40 монахов и 128 мирян [14, л. 83]. Обозначившиеся во второй половине XVII в. тенденции к сокращению монашеской братии сохраняются и в дальнейшем.

Неотъемлемая часть монастырской жизни – труд, который должен быть сопряжен с молитвой. Устав Ферапонтова монастыря был общежительным, а его братия должна была обеспечивать все необходимое, занимаясь земледелием и тесно связанным с ним животноводством, ремеслами, промыслами, а также рыбной ловлей. Урожай, улов и доход от ремесел распределялись на содержание братии и слуг, хотя монастырь занимался и продажей хлеба в долг. Так, в описи 1665 г. упоминаются 96 хлебных хабал [11, л. 59].

Монашеский рацион, согласно требованиям церковного Устава, состоял в основном из пищи растительного происхождения и рыбы. Для обеспечения братии пищей в монастыре возделывались огороды, но перечень выращиваемых культур в рассматриваемый период практически нигде не упоминается. Зато рыба была незаменима в монастырском рационе. Ее обеспечивали рыбные ловли и заготавливали впрок разными способами – вяленьем, соленьем, копчением.

Мясную пищу монахи употреблять не могли, скот использовался в качестве тягловой силы, а продукция скотоводства могла идти в качестве сырья для кожевенного производства. Для понимания монастырской повседневности примечательно описание конюшенного и скотного дворов при монастыре, которые являлись функциональными узлами монастырского хозяйства и включали в себя комплекс построек. Дворы находились за пределами монастырских стен. Конюшенный двор представлял собой пространство, обнесенное стеной с воротами. С одной стороны двора стояла горница на подклете с сенями и чуланом, с другой – сеновалы, сараи, денники, где кормили лошадей овсом, хлевы, стойла. Все постройки были бревенчатыми, рублеными, покрытыми желобьем.

Скотный двор был обнесен рубленным тыном (забором). За ним стояли бревенчатая келья с сенями, скотская изба, а напротив ее – клеть, хлевы, сараи. Среди братии не было отдельной должности управляющего скотным двором. Этим занимались монастырские слуги и служебники. Монастырские стада состояли из коров, лошадей, овец. Очевидно, что в монастыре было развито кожевенное производство из собственного сырья, а также осуществлялся пошив кожаной одежды и обуви, так как фраза «платье, изготовляемое из скота монастырского» находит упоминание в описях. Ассортимент продукции кожевенных дел мастера характеризует опись 1692 г.: «Козлина деланая по-

овчинному с шерстью, другая козлиная деланая на ирешное дело. Кожа яловичная дубленая мегилная, шесть жеребьячин, девятнадцать телятинок поднорядных, ворот яловишной, ворот конинной мячильные. Башмаки да четверы рукавицы дубленные новые. Пять гужей моржевых <...> Восмьдесят две овчины деланых. Да неделаных тритцать восьм овчин. Шесть козлин сырых, шесть воротов подошевных яловичьих и конинных <...> Три полы кож сыромятных болших. Три телятины ирешные» [14, л. 74 об.–76].

Кожа использовалась при изготовлении книг, мебели, предметов церковного убранства (кожаные аналои), кузнечных мехов, транспортных повозок и т. д.

Помимо этого, в Ферапонтовом монастыре во второй половине XVII в. изготавливались на продажу вяляльные изделия, холст, деревянная посуда, книги, развивалась иконопись.

Несмотря на столь разнообразные виды деятельности и обширность вотчинных владений, исследователи отмечают, что упадок в хозяйстве монастыря начался именно со второй половины XVII в. [15].

Большая часть монастырских бытовых построек были деревянными, а каменные храмы и палаты требовали ремонта, к тому же обитель с большим трудом восстанавливалась после пожара 1666 г. Со второй половины XVII в. Ферапонтов монастырь, до этого времени переживавший периоды подъема и расцвета, начинает постепенно угасать, пока в результате реформ не был обращен в приходской храм.

Ферапонтов монастырь относился к духовным корпорациям общежительного типа, для которых характерно содержание своего натурального хозяйства, включавшего земледелие, животноводство, промыслы, ремесло и кредитную деятельность и сочетавший феодальное и мелкое крестьянское хозяйства. Его повседневная жизненная организация, с одной стороны, впитывала в себя нормы окружающего его социума, с другой, являясь проводником православных ценностей, оказывала существенное влияние на духовную и хозяйственную жизнь за стенами обители.

Список литературы

1. Камкин А.В. Православная Церковь на Севере России: очерки истории до 1917 г. – Вологда, ВГПИ, 1992. – 162 с.
2. Пономарев Д.А. Малые монастыри Русского Севера: к постановке проблемы // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. – 2018. – № 2 (10). – С. 80–91.

3. Мартынов В.Л., Сазонова И.Е. Историческая география путей сообщения Северо-Запада России: Московский этап (XVI–XVII в.) // Псковский регионолог. журн. – 2017. – № 2 (30). – С. 61–73.

4. Шульгина Д.П., Шульгина О.В. Историческая обусловленность формирования уникального культурного наследия Русского Севера // Вестн. Моск. городского пед. ун-та. Серия: Исторические науки. – 2020. – № 1(37) – С. 32–40.

5. Адаменко О.Н., Башнин Н.В. Структура монастырской собственности и политическое развитие Кубено-Заозерья в XV–XVI вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы – 2012. – № 1. – С. 61–69.

6. Гусева О.В. Монастырь как феномен повседневности // Совр. о-во: вопросы теории, методологии, методы социал. исслед. – 2017. – Т. 1. – С. 76–80.

7. Романенко Е.В. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. – М.: Мол. гвардия, 2002. – 327 с.

8. Стикина Н.В. Повседневная жизнь русского православного монастыря во второй половине XIX – первой четверти XX вв.: на материалах Вологодской епархии: дис. ... канд. ист. наук. – Вологда, 2007. – 276 с.

9. Описание Ферапонтова монастыря 1673 года // Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (КБИАХМЗ). Оп. РК 91.

10. Описание казны Ферапонтова монастыря 1626 года // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) ДА. АИ-335/1.

11. Описание Ферапонтова монастыря июль 1665 года // Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 883 (собр. Н.И. Суворова). Оп. 1. Д. 40.

12. Бриллиантов И.И. Ферапонтов Белозерский ныне упраздненный монастырь, место заточения патриарха Никона: К 500-летию со времени его основания 1398–1898: с прил. оч. «Патриарх Никон в заточении на Белеозере». – СПб.: Тип. А.П. Лопухина, 1899. – 247 с.

13. Успенский Н.П. Несколько новых данных о заточении патриарха Никона // Христианское чт. – 1903. – № 9. – С. 362–388.

14. Описание Ферапонтова монастыря декабрь 1692 года // ГАВО. Ф. 883 (ф. Н.И. Суворова). Оп. 1. Д. 78.

15. Серебрякова М.С. Памятники архитектуры Ферапонтова монастыря по архивным документам XVII–XX веков. – URL: <http://www.kirmuseum.ru/issue/article.php?ID=2155>

References

1. Kamkin A.V. *Pravoslavnaya Cerkov` na Severe Rossii: ocherki istorii do 1917 g.* [The Orthodox Church in the North of Russia: essays on history before 1917]. – Vologda, VGPI, 1992. – 162 p.

2. Ponomarev D.A. *Maly`e monasty`ri Russkogo Severa: k postanovke problemy* [Small monasteries of the Russian North: to the problem statement] // *Paleorossiya. Drevnyaya Rus`: vo vremeni, v lichnostyax, v ideyax* [Paleoasia. Ancient Russia: in time, in personalities, in ideas] – 2018. – № 2 (10). – P. 80–91.

3. Marty`nov V.L., Sazonova I.E. *Istoricheskaya geografiya putej soobshheniya Severo-Zapada Rossii: Moskovskij e`tap (XVI–XVII v.)* [Historical geography of communication routes in the North-West of Russia: The Moscow stage (XVI–XVII c.)] // *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov regionological journal]. – 2017. – № 2 (30). – P. 61–73.

4. Shul`gina D.P., Shul`gina O.V. *Istoricheskaya obuslovlennost` formirovaniya unikal'nogo kul'turnogo naslediya Russkogo Severa* [Historical conditionality of the formation of the unique cultural heritage of the Russian North] // *Vestnik Moskovskogo городского педагогического университета. Seriya: Istoricheskie nauki* [Bulletin of the

Moscow city pedagogical University. Series: Historical Sciences] – 2020. – № 1(37). – P. 32–40.

5. Adamenko O.N., Bashnin N.V. *Struktura monasty`rskoj sobstvennosti i politicheskoe razvitie Kubeno-Zaozer'ya v XV–XVI vv.* [The structure of the monastery property and political development Cubano-Zaozerie in the XV-XVI centuries] // *Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy* [Yearbook on agricultural history of Eastern Europe]. – 2012. – № 1. – P. 61–69.

6. Guseva O.V. *Monasty`r` kak fenomen povsednevnosti* [Monastery as a phenomenon of everyday life] // *Sovremennoe obshchestvo: voprosy` teorii, metodologii, metody` social'ny`x issledovanij* [Modern society: questions of theory, methodology, methods of social research] – 2017. – T. 1. – P. 76–80.

7. Romanenko E.V. *Povsednevnyaya zhizn` russkogo srednevekovogo monasty`rya* [Everyday life of a Russian medieval monastery]. – M.: Molodaya gvardiya, 2002. – 327 p.

8. Stikina N.V. *Povsednevnyaya zhizn' russkogo pravoslavnogo monastyrya vo vtoroj polovine XIX – pervoj chetverti XX vv.: na materialah Vologodskoj eparhii: diss. ... kandidata istoricheskikh nauk* [Everyday life of the Russian Orthodox monastery in the second half of the XIX – first quarter of the XX centuries: on the materials of the Vologda diocese: dis. ... candidate of historical Sciences]. – Vologda, 2007. – 276 s.

9. *Opis` Ferapontova monasty`rya 1673 goda* [An inventory of the Ferapontov monastery 1673] // Kirillo-Belozersky historical, architectural and art Museum-reserve (KBIAXMZ). OPI. RK 91.

10. *Opis` kazny` Ferapontova monasty`rya 1626 goda* [An inventory of the Treasury of the Ferapontov monastery in 1626] // Department of manuscripts of the Russian national library (OR RNB). DA. All-335/1

11. *Opis` Ferapontova monasty`rya iyul` 1665 goda* // State archive of the Vologda region (GAVO). F. 883 (sobranie N.I. Suvorova). Op. 1. D. 40.

12. Brilliantov I.I. *Ferapontov Belozerskij ny`ne uprazhnenny`j monasty`r`, mesto zatocheniya patriarxa Nikona: K 500-letiyu so vremeni ego osnovaniya 1398–1898: S pril. ocherka "Patriarx Nikon v zatochenii na Beleozere"* [Ferapontov Belozersky now abolished monastery, the place of imprisonment of Patriarch Nikon: to the 500th anniversary of its Foundation 1398-1898: With ADJ. essay "the Patriarch Nikon in prison at Beloozero]. – Sankt-Peterburg: tip. A.P. Lopuxina, 1899. – 247 p.

13. *Uspenskij N.P. Neskol'ko novy`x danny`x o zatochenii patriarxa Nikona* [Some new information about the imprisonment of Patriarch Nikon] // *Xristianskoe chtenie* [Christian reading]. – 1903. – № 9. S. 362–388.

14. *Opis` Ferapontova monasty`rya dekabr` 1692 goda* [An inventory of the Ferapontov monastery Dec 1692] // GAVO. F. 883 (f. N.I. Suvorova). Op. 1. D. 78.

15. Serebryakova M.S. *Pamyatniki arkhitektury` Ferapontova monasty`rya po arxivny`m dokumentam XVII–XX vekov* [Architectural monuments of the Ferapontov monastery according to archival documents of the XVII–XX centuries] // <http://www.kirmuseum.ru/issue/article.php?ID=2155>